

23 сентября 1984 года

ЛИТЕРАТУРА

КНИГА О ВЕЛИКОМ АКТЕРЕ

Каким был Халил Абжалилов? Что завораживало зрителей плакать и смеяться, любить и негодовать, как он сам? Сегодня мы предлагаем беседу заслуженного работника

культуры, писателя К. Миннибаева с автором книги «Халил Абжалилов», кандидатом искусствоведения, доцентом Казанского института культуры Х. Кумысниковым.

К. М.: Вы сделали большое дело, написав книгу о великом татарском актере Халиле Абжалилове. Понятно, что такой замысел не мог возникнуть случайно. Это — годы поиска, размышлений, труда. А что же все-таки стало точкой отсчета, с чего началось знакомство с Абжалиловым?

Х. К.: Очень давно, когда я еще учился в ГИТИСе, профессор Г. И. Гоян предложил мне написать курсовую работу об одном из татарских актеров. На каникулы я приехал в Казань и в первый же вечер попал на спектакль «Ходжа Насретдин». Можете себе представить: как только за кулисами раздастся голос Ходжи — Абжалилова, зритель начинает смеяться и не может остановиться до самого финала...

К. М.: Комедию Наки Исабета о народном мудреце лично я прежде прочитал, а уже позднее увидел на сцене. Игра Абжалилова, помню, меня тоже захватила.

Х. К.: Пожалуй, это даже нельзя было назвать «итрой». Актер настолько глубоко вжился в свою роль, что больше подойдет слово «жил». Образ Ходжи для меня ассоциируется только с ним.

Что же касается курсовой, то выбор мной был сделан в первый же вечер, еще в театре. Но на этом дело не закончилось: я решил свой диплом посвятить творчеству этого талантливейшего актера. К тому времени я уже успел с ним лично познакомиться. Так что видел не только на сцене. Мы с ним, помню, встречались и в Москве, когда он приезжал на Всемирную конференцию сторонников мира. Халил Галеевич охотно помогал советами, а иногда проигрывал целые отрывки из спектаклей. В небольшой абжалиловской комнате я, единственный зритель, видел, например, как «сходил с ума» плут и мошенник Сиражетдин из «Банкрота» Г. Камала. Буквально на глазах актер преобразился до неузнаваемости. И так было всегда. Я помню, когда ему надо было выходить на сцену в роли Насретдина, то в его гримерной, битком набитой актерами, не умолкал смех. А когда Абжалилов играл короля Лира, заводил с ним праздничный разговор ни у кого не появлялось охоты. Перед тобой был сам король!

К. М.: Аксакал остался доволен дипломной работой?

Х. К.: Халил Галеевич приехал на защиту моего диплома и даже выступил. Я не сомневался, что он расхвалит меня. А вышло наоборот. Он ругал меня за то, что я не сумел до конца понять его как актера. Я верил в искренность художника, поэтому не мог на него обидеться. Наоборот, хотелось задобрить его сердце. И я обещал ему написать большую книгу.

К. М.: Вы хотите сказать,

что сразу и приступили к ней?

Х. К.: Нет, тогда я еще был не готов, не чувствовал в себе уверенности. Мысль о книге окончательно утвердилась во мне после смерти Абжалилова. Умер он неожиданно, и для меня это была глубоко личная утрата. Я почувствовал себя в долгу перед нашим великим современником.

Вскоре Татарское отделение ВТО предоставило мне возможность поехать в Среднюю Азию по маршруту Абжалилова. В Ташкенте, Самарканде, Бухаре я встречался с теми, кто в двадцатые годы работал вместе с Абжалиловым. Это актриса и режиссер А. Уральская, народный артист СССР М. Пирмухаммедов, народные артисты Узбекистана Х. Латыпов, С. Табибуллаев, Ш. Каюмов и другие деятели театра. Они с большой теплотой отзывались о нашем общем друге, вспоминали массу интересных эпизодов.

К. М.: Кто еще оказывал вам помощь в сборе материала?

Х. К.: Прежде всего, разумеется, Хадича-ханьем, вдова актера. Затем народный артист СССР Габдулла Шамуков. Я очень признателен и Мансуру Хасановичу Хасанову за его непосредственное участие в создании книги: одним из первых прочитав рукопись, он сделал немало серьезных замечаний, помог углубить идейное содержание книги, затем взял на себя труд написать предисловие.

Я также благодарен руководству Татарского книжного издательства, художникам и редакторам, принявшим доброе участие в том, чтобы книга нашла своего читателя.

К. М.: Плох тот художник, мастер, который не окружен учениками, не заботится о будущем своего искусства. Я знаю, например, одного совершенно уникального человека и ученого, своим трудом возводящего себе памятник. Но поднять этот памятник на постамент будет некому... Что в этом смысле можно было сказать о Халиле Абжалилове?

Х. К.: Халил-ага очень любил молодежь. В последние годы жизни много сделал для студентов Татарской студии Московского театрального училища им. М. С. Щепкина. А когда они вернулись в Казань с дипломными спектаклями, Абжалилов согласился сыграть роль Старика в трагедии А. Файзи «Тукай». Народный артист и дипломник! Этот союз был великолепен. Большой моральной поддержки молодым трудно было себе представить. Я видел этот спектакль. Он шел удивительно слаженно, с невиданным внутренним волнением. Именно тогда первые свои шаги в искусстве делали нынешние мастера сцены.

К. М.: Мне думается, молодые актеры, на себе ощутив доброту аксакала, как бы

прозрели, осознали, что талант и зло — понятия несовместимые: все истинное доступно только гуманизму.

Х. К.: Да, этот человек был прежде всего гуманист. Он был всегда добр с окружающими и со сцены провозглашал те же идеи доброты и мужества. Таковы его образы Насретдина, Лира, секретаря райкома Гильманова, красного командира Харитоновна и другие. Но, если уж он играл хищника, то как бы предупреждал всех о том, что перед ними враг, и силою своего таланта призывал бороться с ним до конца. И в жизни он не любил расхлябанности, пустословия...

К. М.: А как у него складывались отношения с драматургами?

Х. К.: Некоторые из них обижались на Халила Галеевича за отказ играть в их пьесах. Называли его консерватором, пытались обвинить в космополитизме. Но он же не был виноват в том, что сами драматурги не в состоянии были удовлетворить творческую жажду титана. Он так и ушел из жизни, не дождавшись той пьесы, о которой мечтал.

К. М.: Представляю, с каким бы трепетом взялся он за роль старика Альмандара.

Х. К.: Конечно! И не только Альмандар. Для Абжалилова нужен был именно такой драматург, каким сегодня является Туфан Миннуллин. Каждый образ драматурга — это типичный представитель нашего общества. Он наделен таким глубоким характером, что бывает трудно усомниться в его реальности. На таком материале интереснее раскрывается и талант актера, режиссера. Не будь таких пьес Т. Миннуллина, как «Альмандар из деревни Альдермеш», «У совети вариант нет», палитра многих актеров оказалась бы беднее.

К. М.: Не случайно спектакли камаловцев по этим пьесам были показаны по Центральному телевидению...

Х. К.: Я смотрел их как в первый раз. И один эпизод буквально потряс меня. Это сцена ухода Джалиля на казнь. Был момент, когда Муса — Газетдинов приостановил шаг, обернулся... Меня поразили глаза актера. Они излучали чувства и думы поэта; как бы вобрали в себя всех людей, с которыми он дружил, и даже тех, против кого боролся. Тоску и венависть, боль и радость излучали его глаза. Этот взгляд порождал не жалость, а гневный протест против тех, кто поднял руку на поэта.

Именно так поражать зрителя неожиданным волеском чувств и мыслей умел Халил Абжалилов. И я рад, что лучшие традиции его искусства продолжают жить в творчестве мастеров современного татарского театра.